

М. А. Родионов

ИНДИЯ В ПОЭЗИИ ЙАФИИТОВ (ЮЖНАЯ АРАВИЯ): ЙАХЙА ‘УМАР¹

Индия (*Хинд*) и ее население (*хунуд*) описаны в классических сочинениях средневековых арабских путешественников в прозе и стихах, например у безвестного «купца Сулаймана» (IX в.) или авторов X в., жителя Басры Абу Зайда ас-Сирафи и персидского капитана из Хормуза Бузурга ибн Шахрийара, создателя знаменитого труда «Чудеса Индии» [Крачковский 1957: 141–144]. Для них Индия представлялась благословенной страной, горы которой сложены из яхонтов, а леса состоят из благовонных деревьев, краем жемчуга и самоцветов, слоновой кости и сандалового дерева, нарда, мускуса, амбры и камфары; землей изобильных плодов и орехов [Bin ‘Aqīl 1999: 71–77].

Сравнительно часто Индия упоминается и в фольклоре Южной Аравии — стихотворениях на разговорном языке, песнях и пословицах. Между жителями двух регионов издавна существовали культурно-экономические контакты, выразившиеся прежде всего в неуклонном продвижении южноаравийцев на восток — в западную, центральную и южную Индию, на Шри-Ланку и далее вплоть до Явы, Сулавеси, Бали, Малайзии, Сингапура, Тимора. Решающую роль в названном процессе играли жители Хадрамаута, среди которых в XVI — первой половине XX в. особой активностью отличались *сада*, или потомки пророка Мухаммада, и *габили*, выходцы из южноаравийских племен. Начало южноаравийской миграции в исламское время локальные историки относят к VIII в., подчеркивая, что на первых порах она была малочисленной [al-Bakrī 1957: 239].

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Южноаравийская поэзия хумайни и историческая память Хадрамаута» № 11-04-00034а.

Попадая в новую среду, мигранты опирались на мусульманское население принимающей страны. *Сада*, пользовавшиеся огромным уважением местных мусульман, занимались распространением и «очищением» ислама (начиная с индийских городов Биджапур, Ахмадабад, Сурат), выполняли функции шариатских судей, основывали суфийские ордены. *Габилы* служили наемниками в армиях местных правителей. Все группы хадрабийцев, включая непривилегированные страты *масакин* (социально бедных, т.е. не имеющих права владеть землей и рабами) и *ду'афа* (социально слабых, т.е. не имеющих права носить оружие), занимались на новом месте торговлей — арабскими лошадьми, жемчугом и другими товарами [al-Qu'ayūf 1996: 76–88]. В эмиграции нарушались строгие традиции Хадрамаута, такие как иерархия занятий и закон брачных соответствий: потомок Пророка записывался в наемники, а *габилы* мог собирать подати с целой области от имени местного правителя.

Среди *габилы* выделялись племена йафиитов. Йафииты, или йафи', — группа родственных племен химйаритского происхождения, из страны Йафи', горной местности к западу от Хадрамаута [Shihāb 2001: 8–14]. Часть населения занята террасным земледелием на крутых склонах. Самые высокие из вершин этой страны (ал-'Урр, Самар и др.) достигают почти трехкилометровой высоты. Как горцы многих уголков нашей планеты, йафи' отличаются суровым и воинственным нравом, хорошо владеют оружием и охотно служат наемниками за пределами своей родины.

Йафиитская экспансия в Индию началась с освоения соседнего Хадрамаута, куда отряды йафиитов были приглашены одной из противоборствующих сторон в местных усобицах, после чего они получили земельные наделы от победителей и обосновались в Хадрамауте навсегда. Первая волна йафиитов прижилась и получила название *тилид*, т.е. урожденные, местные, в отличие от новых йафиитских переселенцев, которые до сих пор называются *гурба*, чужаки. Те же термины применяются в Хадрамауте, чтобы обозначить степень усвоения заимствованных вещей или идей. Так, сельскохозяйственная культура *бурр* (вид пшеницы *Triticum vulgare*) сначала была *гурба* и вызывала недоверие, пока не стала «своей», превратившись в *тилид*.

Уже из Хадрамаута йафиитская экспансия устремилась в Индию. Из хадрамейских портов аш-Шихр, ал-Мукалла и оманского Маската хадрамейские, махрийские и оманские мигранты направлялись в индийские порты Барода, Броч, Сурат, Даман, Бомбей, используя сезон муссонов — март-апрель и октябрь.

В Индии йафииты становились частью хадрамейской общины, которую британские наблюдатели долгое время обобщенно называли арабской. Она делилась на три категории — на первом месте стояли *усули*, или *вилайяти* — «чистые» арабы, рожденные от отца и матери, родившихся в Аравии; далее следовали *мувалладин* — полукровки, у которых мать — местная уроженка, и наконец, *муджалладин* — результат брака *муваллада* с местной женщиной.

Сначала британцы относились к арабским наемникам свысока, полагая, как Александер Уолкер [Hartwig 2000: 125], что они ничего не знают о военной науке, что их фитильные мушкеты из рук вон плохи, а их укрепленные форты — на примере лучшего из них в Бароде — не выдерживают никакой критики. В это время колониальная администрация считала наемников из Хадрамаута «невероятно свирепыми варварами», которых надо разоружить и депортировать в Аравию [Hartwig 2000: 136]. Мусульманские правители Индии, например низамы Хайдерабада, напротив, выбрали своей опорой «арабов», которых в 1849 г. здесь было не менее 5 тысяч [Khalidi 1997: 74]. По данным источника XVIII в., им выплачивалось самое большое жалование — 18 рупий в месяц, тогда как португальский наемник ежемесячно получал 15 рупий, сипай (воин-индеец, обученный европейцами) 8, маратх или уроженец Декана — 6 [Khalidi 1997: 72]. Британские наблюдатели ставили «арабов» по боевым качествам выше, чем прирожденных воинов патанов-рохилла и сикхов [Hartwig 2000: 231]. Вооруженный фитильным мушкетом на сошках, из которого он мог отстрелить голову змее, двумя прямыми мечами, двумя или тремя кривыми кинжалами-джамбийями и небольшим круглым щитом из жесткой кожи, обитой медными бляхами, «араб» наводил страх на местных воинов. Они еще кое-как держались при свете дня и под командованием британских офицеров, но разбегались в панике, если «арабы» неожиданно напали ночью [Khalidi 1997: 71].

Хайдерабадские низамы второй половины XIX в. выделяли трех арабских командиров, выходцев из Хадрамаута — джемадаров из племен ал-Касири, ал-‘Аулаки и ал-Ку‘айти. Последние принадлежали к одному из йафиитских племен. Все трое с помощью выгодных браков с местными богатыми семьями и успешной финансовой деятельности сумели достичь весьма высокого положения при хайдерабадском дворе. Став кредиторами низама, они выдвинули условие, что за каждый одолженный *лакх* (100 000) рупий помимо значительных процентов (около 30 годовых) арабское войско будет увеличиваться на 400 человек [Hartwig 2000: 201–208].

Понимая, что англичане будут всемерно ограничивать влияние хадрабийской общины, три названных джемадара сосредоточились на делах родины и, опираясь на ресурсы, полученные в Индии, начали борьбу за создание своих государств (*даула*) в Хадрамауте. Первым выступил джемадар ал-Касири, чья династия уже основывала султанаты в Хадрамауте в средние века, затем в игру включились джемадары ал-‘Аулаки и ал-Ку‘айти. В результате долгих усобиц в 1880-х годов победили йафииты ал-Ку‘айти. Султанат ал-Касири сумел поставить под контроль лишь часть внутреннего Хадрамаута, не имевшего выхода к морю, причем международная политика ал-Касири всецело зависела от его йафиитских соедей-соперников. Ал-‘Аулаки не сумели удержаться в Хадрамауте и покинули свой последний анклав в ас-Сида‘ [al-Baṭāṭī 1989: 23–38; Hartwig 2000: 255–300; Rodionov 2007: 53–61].

Победа ал-Ку‘айти во многом определялась тем, что после некоторых колебаний британская администрация решила сделать на них ставку. Проверку на лояльность арабские наемники выдержали во время событий 1857 г., когда они не встали на сторону мусульманских повстанцев-муджахедов, объявивших джихад англичанам. «Мы приехали сюда ради денег, а не ради сражений за веру», — заявили джемадары [Khalidi 1997: 78].

Отношение южноаравийцев к Индии, в котором сочетаются чувство превосходства над местными жителями и ощущение тесной связи с индийскими делами, отражено в двух пословицах, бытующих в Хадрамауте и стране Йафи‘ по сей день. Первая из них не вполне политкорректна: «Нет в рисе силы, а в индийце

мужества». Ввозимый в Южную Аравию из Индии рис был поначалу дорог и воспринимался местными жителями как *гурба* в отличие от лепешек из дурры, еды настоящего мужчины. Словом «мужество» передан термин *мурувва*, обозначающий традиционный набор качеств арабского героя [Родионов 1988: 60–65]. Вторая поговорка не требует комментариев: «Когда в Индии пожар, житель Хадрамаута молит “Упаси Аллах от его вреда!”» [Bin 'Aqīl 1999: 70].

Мужчину из южноаравийских племен с детства учили метко стрелять, орудовать кинжалом, танцевать и слагать стихи на разговорном арабском. Поэтому лучшими стихотворцами здесь слышат *габили*, а лучшими из них нередко называют йафиитов [Bin Ḥalīs 1993: 6–27]. Широко известны их короткие племенные песни-кличи (*завадил*), поэмы-касыды и лирические стихотворения, которые часто становятся песнями, исполняемыми под тростниковую флейту *шабабу*, сдвоенную дудочку-*мизмар* или лютную *алат ал-'уд* [Родионов 2009: 25, 32–43, 45–46, 116–117]. Эти песни популярны в странах Персидского залива, в Пакистане, у мусульман Индии, в Малайзии и Сингапуре [Bin 'Aqīl 1999: 79–84].

Йахйя 'Умар ал-Гамали, или Абу Му'джиб, считается одним из самых одаренных йафиитских поэтов и одним из самых известных в Южной Аравии. Впрочем, о жизни его известно очень мало. Роберт Сарджент в своей «Прозе и поэзии из Хадрамаута», ссылаясь на калькуттский «Journal of Asiatic society» за 1907 г. [Serjeant 1951: 64], сообщает, что наш поэт жил в Сане, откуда отправился в Индию, обосновался в княжестве Барода, где и женился. Прожив с женой всего 12 дней, он развелся и уехал в Калькутту, Мадрас и другие места. По прошествии 16 лет он вернулся в арабскую колонию Бароды, где, по слухам, чуть не взял в жены собственную дочь, которая узнала его, т.к. всякую свою песню он начинал словами «Говорит Йахйя 'Умар». Он увез ее в Южную Аравию и выдал замуж за одного из своих соплеменников. Сарджент предполагает, что поэт, скорее всего, происходил из йафиитов Хадрамаута, а не из собственно Йафи' [Ibid.]. Одни краеведы Хадрамаута, например Мухаммад 'Абд ал-Кадир Ба Матраф [Ba Maṭraf s.d.: 254–255], согласны с британским исследователем,

другие пишут, что поэт, хлебнув горя от жестокой мачехи, перебрался в Хадрамаут из Йафи', когда ему было около двадцати лет. Большинство биографов утверждают, что он жил в конце XI в. хиджры, т.е. в конце XVII в., другие значительно «омолаживают» его [Bin 'Aqīl 1999: 15–16].

Произведения Йахьи 'Умара публиковали Карл Ландберг и Сарджент, диван его произведений издавали и комментировали бахрейнский певец Мухаммад Бин Фарис и журналист из Мукаллы Бадр Бин 'Акил, посвятивший книгу творчеству нашего поэта, песни которого были записаны на пластинки фирмами «Odeon», «Aden Crown» и «Bahrain Group» [Landberg 1901: 4, 25, 37; Serjeant 1951: 64, 68, (Arab. pag.) 90–93; Bin 'Aqīl 1999].

Чем популярнее южноаравийский поэт, тем больше стихотворений приписывает ему традиция. Мы не можем быть уверены, что всякий текст, предваряемый словами «Говорит Йахья 'Умар», принадлежит нашему поэту. Тем не менее из корпуса его текстов можно попытаться извлечь дополнительные сведения о его биографии. В своих стихах поэт упоминает множество географических названий, которые дают некоторое представление о главных стоянках на его пути: Йафи', Таиз, Аден, Хадрамаут, Сана, Моха, Ходейда, Джидда, Оман, Бахрейн, Басра, Персия, Индия, Синд [Bin 'Aqīl 1999: 37–41]. Везде он воспевает прекрасных женщин. Так, в Мукалле он влюблен сразу в четырех. Одна из них подобна кобылице, звенящей ножными браслетами. Другая — франкское ружье, громко и метко стреляющее (ср. с более поздней любовной касыдой другого йафиита, султана Салаха ал-Ку' айти: [Родионов 2009: 74–82]). Третья — как золотой перстень на пальце, а четвертая — словно восходящая луна в середине месяца шаабан [Bin 'Aqīl 1999: 25–26].

В Индии Йахья 'Умар, как и многие из его единоплеменников, вероятно, служил наемником. Отсюда постоянные военные сравнения, когда нос красавицы уподобляется с старинному дорожному кинжалу. Эту строку почти буквально повторяет уже упомянутый Салах ал-Ку' айти [Bin 'Aqīl 1999: 16, 44, 74; Родионов 2009: 78], а поэт Ху 'Алави, обращаясь к жестокой возлюбленной, передает этот образ так: «Ты причиняешь мне мучения, о индийский клинок!» [Bin 'Aqīl 1999: 46].

Хотя поэт признавался, что не говорит и не понимает «по-раджпутски» [Bin 'Aqīl 1999: 73], но индийские слова вошли в его поэтический лексикон, позволяя создавать изощренные аллитерации, вдохновлявшие Йахйу 'Умара и его продолжателей на создание песен и вокально-поэтических импровизаций *дана-дан* [Serjeant 1951: (Arab. pag.) 90–93; Bin 'Aqīl 1999: 74–76; Родионов 2009: 40–43]. Иноязычные заимствования включают не только реалии, усвоенные поэтом на индийских базарах (например, *баз банкале* — «бенгальская ткань» [Bin 'Aqīl 1999: 75]), но и дают возможность для любовной игры: «Сказала мне *нахи* («нет». — М.Р.), но не объяснила мне, что это значит» [Bin 'Aqīl 1999: 74].

Важнейшее стихотворение Йахьи 'Умара, связанное с Индией, первый полубейт которого вошел в пословицу, включен в его диван [Bin 'Aqīl 1999: 74] и время от времени публикуется в периодической печати (без последнего бейта см в: [Yaḥyā 'Umar 2003: 3]). Ниже оно приводится в моем почти дословном переводе:

Сказал Йахйа 'Умар: Если б Индия была в Йафи!
На земле Йафи' лучше для вас, уроженцы Хиндустана.
Мои сородичи происходят из бедной страны,
И когда я покидаю вас, мне говорят: «Это сердце сейчас
вернется».
Сколько раз, когда я спускался и поднимался вместе
с кораблем,
Играли со мной волны моря [,полного] жемчугов и кораллов!
Море не знает любви, и влечение не утоляется,
По отношению к влюбленному, охваченному восторгом
и страстью.
Его рвение с молодых лет заставляло меня грустить
От любви кочевой, а не от любви к отрицанию.
Ночь лишала сна, и вечер его чурался.
Каковы известия [с родины]? И почему этот индиец дремлет?
Я вспомнил, тоскуя сердцем, горы Йафи',
Тоскуя по сородичам, любимым и друзьям,
По земле, люди которой как тигры отважны,
По дождям, которые изливаются в Йафи' на землю,
По каждому сеятелю в долине и сеятелю в горах,

Танцуют ветви под [звуки] тростниковых дудок пастухов.
 Погляди на места, где свирепствует холодный ветер;
 Пусть Аллах пошлет им обильный дождь в меру,
 А когда мой привет достигнет тебя, о луна, взойди
 Над высокими горами и закатись над долинами.
 Привет от сердца влюбленного, которое страдает и жаждет
 Каждому богатства и прелестную и статную возлюбленную.
 И пусть страна исполнится миром от одной ее широкой
 границы до другой:
 От Лахджа до Абйана и от Радфана до Радмана.
 И скажи им: пусть [пожелания] моего сердца для них
 осуществляются
 И вернутся к ним с помощью Возвышенного, Милостивого.
 Я с вами, Высокие и Непроступные!
 Передайте привет — им и индийской луне [в месяц] шаабан.

Кроме эффектного начала в стихотворении почти не говорится об Индии. Зачин сформулирован так, что его можно истолковывать многозначно: то ли поэт хочет, чтобы его бедная отчизна была так же щедро наделена природными богатствами, как Индия, то ли, томясь на чужбине, мечтает перенестись в страну своего детства, не покидая Бароды. Последнее вероятнее всего, ведь, судя по идиллическому описанию Йафи', эта земля не нуждается в красотах Индии; даже жителям Хиндустана на ней было бы лучше, всерьез утверждает поэт. Помыслы его устремлены к горам и долинам Йафи', и он недоумевает, почему с ним рядом дремлет индеец (или индианка, если принять во внимание арабийскую традицию обращаться к возлюбленной в мужском роде: не «она», а «он»). Может быть, к индийским реалиям относится и упоминание о храбрых йафиитских мужах-тиграх (вариант перевода: леопарды).

Почти все живые и конкретные детали этого стихотворения относятся к стране Йафи', что позволяет не согласиться с предположением Сарджента и его хадрабийских единомышленников о родине поэта. Вряд ли Йахйа 'Умар родом из Хадрамаута, скорее он из страны Йафи', а в Хадрамауте он не более чем пришлый йафиит *гурба*. Заканчивая стихотворение, он восклицает:

«Я с вами, Высокие и Непрístupные!» Это выражение (дословно: «Ба Фари' и Ба Мани'») можно понять как имена двух йафиитских родов либо как определение горных вершин или прелестных и статных красавиц, которых поэт сулит своим сородичам. Однако последние слова в стихотворении Йахйи 'Умара обращены к сверкающему женственному лику индийской луны.

Индийская тема, как уже говорилось, звучала в творчестве других йафиитских поэтов, продолжателей, а часто и подражателей традиций Йахйи 'Умара. Сегодня в Йафи' регулярно происходят фестивали йафиитского народного наследия, где исполняются танцы, звучат песни и поэты читают свои *замили* и *касыды*. Там можно услышать многие выражения из стихов Йахйи 'Умара — про мужей, отважных, как тигры/леопарды, и обязательные еще с доисламских времен метафоры дождя-щедрости, упоминания о жемчугах и кораллах и т.д. [Суворов 2003: 113, 155, 157, 161].

Современные поэты-йафииты воспевают свою родину Йафи', сетуют на то, что, несмотря на очевидную этнокультурную целостность, она не составляет единой административной единицы, а разделена между двумя йеменскими провинциями, Лахдж и Абйан. Но об Индии вспоминают, только если речь идет об исторической борьбе ал-Ку'айти за власть в Хадрамауте. Однако, пока в Индии существуют южноаравийские общины, как в Хайдерабаде, Керале и других местах, индийская тема снова может на какое-то время оказаться в поле внимания поэтов Йафи' и Хадрамаута. Залогом этого служит неослабевающая популярность песен и стихов Йахйи 'Умара, сочетавшего в своем творчестве неукротимый племенной дух (*кабвала*), глубокое религиозное чувство, неподдельный лиризм, непринужденность интонаций и мастерское владение формой. Историческая память Южной Аравии находит в его стихах не имена и факты, а чувства кочевой любви и ностальгии, шум дождя, покачивание корабля, мерный рокот волн, танец ветвей, пенье тростниковых дудок.

Библиография

Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV.

Родионов М.А. Мурувва, асабийа, дин: к интерпретации ближневосточного этикета // *Этикет у народов Передней Азии*. М., 1988. С. 60–68.

Родионов М.А. Демоны слов на краю Аравии. Общество и стихотворство Хадрамаута. СПб., 2009. (Сер. «Kunstkamera Petropolitana»).

Суворов М.Н. Аль-‘Урр и Самар чествуют гостей. Праздничная поэзия из Йафи‘ (Йемен). СПб., 2003.

Ba Maṭraf Muḥammad. Al-Jāmi‘. Al-juz’ IV. ‘Aden, s.d.

al-Bakrī Ṣalāḥ. Ta’rīkh Ḥaḍramawt al-siyāsī. Vol II. Al-Qāhira, 1377/1957.

al-Baṭāfi ‘Abd al-Khāliq. Ithbāt mā laysa thubūt min ta’rīkh Yāfi‘ fī Ḥaḍramūt. Jidda, 1409/1989.

Bin ‘Aqīl Badr. Ibhār fī ash’ār Yaḥyā ‘Umar al-Yāfi‘ī. Ṣan‘ā, [1999].

Bin Ḥalīs Ṣāliḥ b. Muḥammad al-Yāfi‘ī. Yāfi‘ī fī ‘uyūn al-shi‘r wa dumū‘ al-qalam. Al-juz’ I. Al-Riyāḍ, 1414/1993.

Hartwig F. Hadramaut und das indische Furstentum von Hyderabad. Ergon Verlag 2000 (Mitteilungen zur Sozial- und Kulturgeschichte der Islamischen Welt, Bd. 8).

Khalidi O. The Hadhrami Role in the Politics and Society of Colonial India, 1750s–1950s // *Hadrami Traders, Scholars, and Stateman in the Indian Ocean, 1750s–1960s* / Ed. by U. Freitag and W. Clarence-Smith. Leiden, etc., 1997 (Social, Economic and Political Studies of the Middle East and Asia. Vol. 57). P. 67–81.

Landberg C. Ḥaḍramout. Leiden, 1901. Vol. I.

al-Qu‘ayfi Ghālib ibn ‘Awaḍ. Ta‘milāt ‘an ta’rīkh Ḥaḍramawt qabla al-Islām wa fī fajrihi. Jidda, 1417/1996.

Rodionov M.A. The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983–91 // *Orientalwissenschaftliche Hefte. OWZ der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Hft 24.* 2007.

Serjeant R.B. Prose and Poetry from Ḥaḍramawt. L., 1951.

Shihāb Ḥasan Ṣāliḥ. Yāfi‘ fī ‘ahd sultān Āl ‘Afīf wa Harhara. Ṣan‘ā, 1421/2001.

Yaḥyā ‘Umar al-Yāfi‘ī. Layta al-Hind fī Yāfi‘ // *Shibām*. No 218, al-Mukallā 30.04.2003. P. 3.